ЖОРЖ СИМЕНОН

Буря над Ла Маншем
Старая дама из Байе
Капля стеарина
«Приют утопленников»
Открытое окно
Неизвестные в доме

Старая дама из Байе
Жорж Сименон

Аннотация
Жорж Сименон. Старая дама из Байё
I
II
III

Аннотация

«Старая дама из Байё» входит в авторский сборник рассказов «Новые расследования Мегрэ».

Жорж Сименон
Старая дама из Байё

I

— Присаживайтесь, мадемуазель, — сказал Мегрэ, вынимая изо рта трубку, со вздохом сожаления.

И он снова пробежал глазами записку прокурора:

«Семейное дело. Выслушать Сесиль Ледрю, но действовать с величайшей осторожностью».

Дело происходило в Кане, куда Мегрэ был послан для реорганизации местной уголовной полиции. Он еще не привык к царившему в этой провинции духу ожесточения, скрытности и чувствовал себя далеко не так уверенно, как в своем кабинете на набережной Орфевр.

А записка еще больше сбивала с толку: «*Семейное дело… с величайшей осторожностью…*»

Видно, ему снова придется столкнуться с семьей какого-нибудь высокопоставленного лица или крупного городского чиновника. Просто удивительно, сколько у здешних служащих всяких кузенов, зятьев и невесток, сбившихся с пути!

— Слушаю вас, мадемуазель Ледрю.

Пожалуй, она была хороша собой, даже очень хороша, эта мадемуазель Сесиль. Да и траур подчеркивал ее красоту, придавая какую-то особую поэтичность матово-бледному от природы лицу.

— Ваш возраст?

— Двадцать восемь лет.

— Профессия?

— Я думаю, лучше мне вам все сразу объяснить, чтобы вы поняли мое положение. Я сирота и с пятнадцати лет пошла в услужение, стала зарабатывать на жизнь. Тогда еще я не носила прически и не умела ни читать, ни писать…

Это признание казалось тем более удивительным, что у девушки, сидящей перед комиссаром, был весьма элегантный вид.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Случай привел меня к госпоже Круазье в Байё. Вы о ней, конечно, слышали?

— Признаться, нет.

Как они друг на друга похожи, эти провинциалы: вечно воображают, что их местные знаменитости известны всему миру!

— О госпоже Круазье я вам расскажу после. Знайте только, что она ко мне очень привязалась и дала мне возможность получить образование.

А потом оставила в доме компаньонкой и пожелала, чтобы я звала ее «тетя Жозефина»…

— Значит, вы живете в Байё с госпожой Жозефиной Круазье?

У молодой девушки на глаза навернулись слезы, и ей пришлось вытереть их носовым платком.

— Все это теперь в прошлом, — сказала она, всхлипывая, — тетя Жозефина умерла вчера, здесь, в Кане, и вот, чтобы сказать вам, что ее убили, я и…

— Позвольте, вы уверены, что госпожу Круазье убили?

— Могу дать голову на отсечение.

— Вы были при этом?

— Нет!

— Тогда от кого-нибудь слышали?

— От самой тети!

— Как? Тетя сообщила вам, что ее убили?

— Умоляю вас, господин комиссар, не принимайте меня за сумасшедшую. Я знаю, что говорю. Тетя мне сто раз повторяла, что, если с ней случится несчастье в доме на улице Реколе, я должна немедленно требовать расследования…

— Минутку! А что это за дом на улице Реколе?

— Дом ее племянника Филиппа Делижара…

Тетя Жозефина на несколько недель приехала в Кан, чтобы подлечить зубы, они у нее заболели впервые за шестьдесят восемь лет. Остановилась она у племянника, а я осталась в Байё, потому что Филипп меня недолюбливает…

«*Филипп Делижар*» — записал Мегрэ на клочке бумаги.

— Сколько лет этому племяннику?

— Сорок четыре или сорок пять…

— Чем он занимается?

— Ничем. Раньше у него было состояние, вернее, у его жены, но от этих денег, по-моему, давно осталось одно воспоминание. А живут Делижары по-прежнему в особняке на улице Реколе, держат кухарку, слугу, шофера. Филипп много раз приезжал в Байё, умолял тетю одолжить ему денег.

— И она давала?

— Ни разу! Она говорила Филиппу: пусть наберется терпения и ждет ее смерти…

Пока девушка рассказывала, Мегрэ по своей привычке подводил в уме кое-какие итоги.

Итак, прежде всего, в Байё, недалеко от собора, на одной из тихих улиц, где от каждого шага вздрагивают занавески на окнах, жила госпожа Жозефина Круазье, вдова Жюстена Круазье.

История ее состояния была одновременно и

смешной и мрачной. Жюстен Круазье, который женился на ней еще в то время, когда служил скромным клерком в адвокатской конторе, был настоящим маньяком, помешанным на страховании жизни. Он без конца подписывал полисы со всеми страховыми компаниями, какие только можно себе вообразить, и стал в городе всеобщим посмешищем.

Один-единственный раз он отправился пароходом в Саутгемптон. Море было неспокойно. От резкой бортовой качки Круазье швырнуло на реллинг, да так неудачно, что он проломил себе череп. А его вдова через некоторое время, к немалому своему изумлению, получила от различных страховых компаний миллион франков.

С тех пор Жозефина Круазье в ее угрюмом доме в Байё не знала других развлечений, кроме забот о том, как лучше распорядиться своим изрядно округлившимся состоянием, да болтовни по вечерам с компаньонкой Сесилью Ледрю.

Если верить слухам, миллион дал прирост, и Жозефина Круазье благодаря удачному помещению капитала стала обладательницей четырех или пяти миллионов.

Иначе сложились дела Филиппа Делижара, сына сестры госпожи Круазье; женившись на

дочери богатого торговца лошадьми, он зажил беззаботно, в роскоши. Он поселился в великолепном особняке, пышно обставил его; дом его считался одним из самых богатых в Кане.

Но, не в пример госпоже Круазье, он неудачно поместил свои капиталы, поговаривали, будто уже три или четыре года Филипп живет в долг, беря деньги у ростовщиков в счет будущего наследства, которое оставит ему тетка.

— Итак, мадемуазель, ваше обвинение не имеет иных серьезных оснований, кроме тех, что Филиппу нужны были деньги, а со смертью тетки он должен был их получить?

— Но ведь я вам уже сказала: госпожа Круазье без конца повторяла, что если она умрет на улице Реколе…

— Простите, я думаю, вы и сами знаете, чего стоят все эти предчувствия старых женщин… А теперь не могли бы вы изложить мне одни только факты?

— Тетя умерла вчера около пяти часов вечера от сердечного приступа, как нас пытаются уверить.

— У нее было больное сердце?

— Не больнее, чем у вас или у меня! Не настолько больное, чтобы умереть…

— Вы в это время были в Байё?

Тут молодая девушка, как будто слегка замялась или это только почудилось Мегрэ?

— Нет… Я была в Кане…

— А я думал, вы не сопровождали госпожу Круазье…

— Совершенно верно… Но из Байё в Кан можно добраться автобусом за полчаса… Я приехала кое-что купить…

— Вы навестили вашу тетушку, ведь так, кажется, вы ее называете?

— Да, я была на улице Реколе…

— В котором часу?

— Около четырех… Мне сказали, что тетя вышла…

— Кто вам это сказал?

— Камердинер…

— Он справлялся у хозяев?

— Нет! Он сам ответил.

— Значит, надо полагать, или он сказал правду, или ему заранее дали соответствующие инструкции.

— Я тоже так думаю.

— Куда вы направились потом?

— В город. У меня было множество всяких мелких дел. Потом я вернулась в Байё, а сегодня утром из канской газеты, которую мы получаем,

узнала о смерти тети…

— Любопытно…

— Что вы сказали?

— Я говорю: любопытно. В четыре часа вы приходите на улицу Реколе, и вам заявляют, что тетя вышла. Вы возвращаетесь в Байё и на следующее утро узнаете из газет, что она умерла через несколько минут, самое большее через час после вашего ухода… Вы действительно подали в суд, мадемуазель Сесиль?

— Да, господин комиссар. Я небогата, но с радостью отдам последние гроши, лишь бы удалось открыть правду и наказать виновных…

— Минутку! Если уж речь зашла о вашем финансовом положении, я позволю себе поинтересоваться, не рассчитываете ли вы на наследство Жозефины Круазье?

— Я уверена, что ничего не получу — ведь я принимала участие в составлении завещания и официально отказалась от всякого наследства. Иначе кто бы поверил, что я столько лет прослужила своей благодетельнице совершенно бескорыстно?

Пожалуй, молодая девушка держала себя даже слишком хорошо. Мегрэ тщетно пытался отыскать в ее поведении хоть какой-нибудь изъян.

— Значит, вы не отложили ни сантима?

— Я этого не сказала, господин комиссар. Госпожа Круазье выплачивала мне жалованье как компаньонке. Расходов у меня особых не было, и я постепенно скопила небольшую сумму, на которую теперь могла бы… Но, если понадобится, я готова отдать все целиком, лишь бы тетя была отомщена…

— Вы позволите задать вам еще вопрос? Филипп ведь наследник, не так ли? Но, предположим, будет доказано, что он убил тетю, и, следовательно, не может получить наследство. Кому же тогда достанутся миллионы?

— Они пойдут в фонд благотворительных учреждений, оказывающих покровительство молодым девушкам.

— Госпожа Круазье интересовалась подобными начинаниями?

— Да, она жалела молодых девушек и знала, какие опасности их подстерегают…

— Она была чрезмерно добродетельна?

Сесиль замялась, подумала с минуту.

— Чрезмерно добродетельна, вы правы!

— Своего рода мания, а?

— Почти…

— Благодарю вас, мадемуазель.

— Вы ведь будете вести расследование?

— Я должен кое-что выяснить и, если понадобится… Кстати, где я смогу вас найти?

— Похороны состоятся здесь, в Кане, через два дня, а до этого я почти все время буду находиться у гроба тети на улице Реколе.

— Несмотря на Филиппа?

— Мы с ним не разговариваем, и в другие комнаты я даже не заглядываю. Я плачу, молюсь… А ночевать ухожу в гостиницу «Сен-Жорж»…

Мегрэ докуривал свою трубку, а его любопытные маленькие глазки внимательно разглядывали большой серый дом, ворота с медным кольцом, парадный подъезд с бронзовыми фонарями.

Это было «беструбочное дело», как называл комиссар расследования, которые велись в домах, где ему, ради соблюдения приличий, приходилось расставаться со своей носогрейкой.

Поэтому, прежде чем войти, он решил еще немного покурить и стоял, наблюдая, как мимо проходят дамы в трауре и необычайно корректные господа, все сливки местного общества, явившиеся выразить свои соболезнования.

— Да, нелегко придется, — вздохнул Мегрэ, выколачивая трубку о каблук.

Вместе с другими он вошел в особняк и, пройдя

мимо серебряного подноса, заваленного множеством визитных карточек с загнутыми углами, направился в конец выложенного белыми и голубыми плитками коридора, к высокой, задрапированной черным двери, за которой увидел катафалк, утопавший в цветах гроб, окруженный восковыми свечами, и вокруг — темные фигуры людей, некоторые молились, стоя на коленях.

Пахло хризантемами и растопленным воском. И это сразу же придавало всему происходящему — и перешептываниям, и тихому шелесту носовых платков, в которые осторожно сморкались, — ту особую торжественность и достоинство, какие люди обретают лишь перед лицом правосудия или смерти.

Сесиль Ледрю была здесь, она молилась в углу, преклонив колени на маленькую скамеечку. Сквозь тонкую черную вуаль видно было ее лицо с правильными чертами и губы, шевелившиеся в такт пальцам, перебиравшим нефритовые четки.

Человек с асимметричным лицом и красными веками, тоже весь в черном, взглянул на комиссара так, словно спрашивал, зачем он тут, и Мегрэ подошел к нему.

— Господин Филипп Дележар, если не ошиба-

юсь? Я комиссар Мегрэ. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Мегрэ показалось, что Филипп Делижар, выходя из зала, затянутого крепом, метнул злобный взгляд на молодую девушку.

— Прошу вас, следуйте за мной, — сказал он. — Мой кабинет на втором этаже…

Они поднялись по мраморной лестнице с красивыми коваными перилами. Над лестничной площадкой висел настоящий обюссоновский гобелен. Они вошли в просторный кабинет, обставленный в стиле ампир. Три его окна выходили в парк; даже странно было видеть такой большой парк в самом центре города.

— Садитесь, пожалуйста. Как видно, эта девица продолжает свои происки, и именно ей я обязан вашим визитом?

— Вы говорите о мадемуазель Сесили Ледрю?

— Да, я говорю именно об этой интриганке, которая сейчас находится этажом ниже и которая некоторое время оказывала весьма пагубное влияние на мою тетю… Желаете сигару?

— Нет, благодарю… Вы сказали, некоторое время… Должен ли я понимать это так, что ее влияние было недолговечным?

Мегрэ не было особой нужды изучать Филиппа

Делижара, такого элегантного, несмотря на траур — довольно распространенный тип влиятельного богатого буржуа, который можно встретить в любом провинциальном городе; живут эти люди на широкую ногу согласно духу времени и превыше всего стремятся соблюсти внешние приличия, придерживаясь определенной манеры одеваться и говорить, определенной манеры поведения, которые призваны отличить их от простых смертных.

— Вы понимаете, господин комиссар, что мне чрезвычайно неприятно, чрезвычайно тяжело принимать у себя полицейского в столь горестный момент. И все же я отвечу на ваши вопросы, потому что хочу, чтобы все это наконец прояснилось и Сесиль понесла заслуженное наказание…

— Что вы имеете ввиду?

— Насколько я могу судить по вашему предыдущему вопросу, вы поняли, что моя бедная тетя не до конца была обманута льстивыми манерами, хваленым бескорыстием и преданностью этой девицы. Ведь когда тетя приехала к нам на месяц, мы предложили, чтобы ей не пришлось менять своих привычек, вызвать сюда компаньонку: дом у нас достаточно просторный. Но моя бедная тетя отказалась, признавшись нам, что компаньонка

ей порядком надоела и что она ищет способа избавиться от этой девицы. Она только опасалась, что, если порвет с ней слишком резко, Сесиль захочет отомстить ей…

Тут уж Мегрэ не выдержал!

Поддавшись атмосфере этого дома, он пробормотал с иронией, которую не понял его собеседник:

— До чего же лживы и злы люди!

— Так вот, я говорил вам, что рано или поздно тетя рассталась бы с этим злобным существом, которое тщетно пыталось нас поссорить…

— Она пыталась это сделать?..

— Да, да, наговорив тете, помимо всего прочего, что у меня есть любовница… Как мужчина мужчине, господин комиссар… В моем возрасте и при моем положении, согласитесь, вполне нормально иметь… Не афишируя, конечно! Как светский человек… Бедная тетя, одержимая добродетелью, разумеется, не могла этого понять… Вообще со старыми людьми бесполезно говорить о подобных вещах…

— Неужели Сесиль это сделала?

— А иначе как бы тетя узнала? Впрочем, трюк довольно неудачный, поскольку это обернулось как раз против той коварной особы, которая его

измыслила. Когда тете стало известно, что эта целомудренная девица тайком в ее доме принимает молодого человека, мягко говоря, из не очень-то почтенной семьи…

— Как, у Сесили любовник?

Было ли возмущение Мегрэ искренним или просто хорошо разыгранным, однако он не преминул этим воспользоваться и вытащил из кармана трубку с таким невинным видом, словно и забыл, что находится в роскошном кабинете, где на письменном столе его дожидаются сигары.

— Уже два года! Два года как они стали любовниками и встречаются почти каждую ночь. Его зовут Жак Мерсье. Он вместе с приятелем держит транспортную контору, но главное — его родители обанкротились несколько лет назад…

— Неслыханно! И вы все это рассказали вашей тете?

— Конечно… Как же иначе? Разве это не было моим прямым долгом?

— Да, да, разумеется…

— Вот почему тетя и решила выгнать Сесиль… Ее останавливала, как я уже говорил, только боязнь мести… Поэтому я и предложил тете переехать к нам. Я отвел бы ей весь третий этаж и…

— А когда все это обсуждалось?

— Когда?.. Да еще позавчера…

— И она приняла решение?

— Не окончательное… Но в принципе она согласилась…

— Полагаю, вы все-таки не собираетесь обвинять Сесиль в убийстве вашей тети?

Филипп резко вскинул голову, и Мегрэ увидел его сразу изменившееся лицо.

— Но позвольте… Тетя вовсе не была убита! Очевидно, эта особа не только извращена, но и совсем потеряла рассудок, если рассказывает подобную ерунду… Тетя умерла от сердечного приступа, врач из мэрии установил это совершенно точно… Я просто не понимаю, как…

— Короче, вы не обвиняете Сесиль в убийстве вашей тети?

— Я бы ее обвинил, если бы не был уверен, что тетя умерла своей смертью, а в этом я уверен. Но если эта девица не прекратит распускать на мой счет подобные сплетни, я буду вынужден привлечь ее к суду за клевету.

— Еще один вопрос, господин Делижар… Кажется, ваша тетя умерла около пяти часов?

— Да, в самом начале шестого… Я говорю со слов жены, меня самого при этом не было…

— Прекрасно… Но около четырех Жозефины

Круазье дома не было?

— Каждый день в четыре часа тетя ходила на прием к зубному врачу, ей делали протезы, а это требует немало времени…

— Могли бы вы сказать, в котором часу госпожа Круазье вернулась?

— Да, мне говорили… около пяти. Почти сразу у нее начался сердечный приступ, и она скончалась, даже не успев отдать последние распоряжения…

— Когда начался приступ, она находилась в своей комнате?

— Да… На третьем этаже… Комната в стиле Людовика Четырнадцатого…

— Ваша жена была наверху?

— Жена поднялась немного позднее, когда тетя открыла дверь и позвала на помощь…

— А нельзя ли узнать, где тогда были вы сами?

— Я полагаю, комиссар, это не допрос, ибо допроса я не потерпел бы!

— О, разумеется, нет! Дело, собственно, в том, чтобы ответить дерзкой девице, которая…

— Я был в клубе. Обычно я выхожу из дому в половине пятого или без четверти пять и отправляюсь туда пешком, чтобы немного размяться… Я прогуливаюсь по улицам… Потом в пять играю

в бридж в клубе, а в половине восьмого машина отвозит меня домой обедать…

— Вам позвонили в клуб и сообщили о случившемся?

— Да…

— Что было, когда вы вернулись домой?

— Тетя уже скончалась, и я застал здесь доктора.

— Домашнего врача?

— Нет, тот живет слишком далеко, и жена обратилась к одному молодому доктору поблизости. Впрочем, его помощь уже не понадобилась…

— У вас есть сын?

— Да, Жерар, двадцати лет, учится в Высшем коммерческом училище… Когда тетя скончалась, он, наверно, был на занятиях или в каком-нибудь городском кафе… Что ж, в его возрасте… Современная молодежь не понимает, что место светского человека в клубе, а не в заведении, куда может зайти любой встречный…

— Где тогда была прислуга?

— Шофера Арсена я отпустил… Камердинер после двенадцати всегда находится на первом этаже. Что же касается кухарки, она, я думаю, как ей и полагается, была на кухне… У вас есть еще какие-нибудь вопросы, комиссар?.. Я должен

вернуться к людям, которые пришли выразить мне соболезнования, а кроме того, с минуты на минуту я ожидаю приезда судьи — он ведь председатель нашего клуба. Передайте этой девице — я полагаю, это будет самое лучшее, что вы сможете сделать, — я упрячу ее за решетку, если она не прекратит распускать неблаговидные слухи…

Наверно, Филиппа Делижара удивило, почему вдруг в такой момент по губам Мегрэ скользнула странная улыбка. Между тем комиссар уже давно смотрел не отрываясь в зеркало, висевшее над камином. Там он заметил отражение замаскированной обоями дверцы. Временами обои начинали шевелиться, а один раз Мегрэ даже разглядел бледное женское лицо — он не сомневался, что это была госпожа Делижар.

Слыхала ли она, как ее супруг распространялся о правах светского человека на похождения столь же тайные, сколь галантные?

— Прощайте, комиссар… Хочу верить, что после тех объяснений, которые я постарался вам дать, мой траур будет огражден от этой непристойной и глупой истории… Камердинер вас проводит…

Филипп позвонил, сухо поклонился полицейскому и с достоинством направился к преслову-той двери в обоях, за которой послышался шум.

Четверть часа спустя Мегрэ явился к прокурору. Насмешливый и невозмутимый, он сжимал в кармане свою трубку, так как прокурор Кана был не из тех людей, что позволяют курить у себя в кабинете.

— Ну, как, выслушали эту девушку?

— Я уже успел побывать на месте происшествия.

— Ну, и ваше мнение? Сплетни, конечно?

— Напротив, у меня такое впечатление, что бедная старая дама умерла не без посторонней помощи. Но кто ей помог… вот вопрос! А есть и другой: желаете ли вы, чтоб это выяснилось?

II

В любом городе можно найти такие маленькие гостиницы с постоянной клиентурой, как гостиница «Сен-Жорж». Об их существовании даже не подозреваешь, если только кто-нибудь не направит тебя туда. В этих гостиницах останавливаются главным образом пожилые люди, священники, добродетельные молодые девушки — словом, все, кто с большим или меньшим рвением служит религии, начиная от церковного сторожа и кончая владельцем свечного завода.

Уже больше получаса дожидался Мегрэ в гостиной с плетеными креслами, где сидела за вышиванием старушка; по временам она сурово поглядывала на него, а Мегрэ курил, и дым от его трубки потихоньку поднимался к люстре, окутывая ее голубоватым облачком...

«Эге, сынок, готов биться об заклад, ты поджидаешь ту же особу, что и я», — сразу же подумал Мегрэ, увидев молодого человека, который нервно шагал из угла в угол, поминутно вытаскивая часы.

Теперь, когда оба мужчины прождали вместе

с полчаса, они, хоть и не обменялись ни словом, уже кое-что знали друг о друге. Оглядывая Мегрэ с головы до ног, молодой человек наверняка думал: «Так это тот самый знаменитый комиссар, о котором говорила мне Сесиль? С виду он просто добродушный толстяк! Но раз он пришел к Сесили в гостиницу, видно, есть новости».

«Что ж, молодой Жак Мерсье недурен, — размышлял в свою очередь Мегрэ. — Очень недурен! Пожалуй, даже слишком хорош. Совсем не такой тихоня, какими представляешь себе провинциальных молодых людей, держится очень свободно! Смазливая физиономия, волнистые волосы, блестящие глаза и горячая кровь… Эге, мадемуазель Сесиль, да вы, оказывается любите контрасты и добродетелью можете похвастаться скорее днем, чем ночью…»

Когда появилась Сесиль, она сначала увидела Жака Мерсье и радостно улыбнулась. Но молодой человек указал ей на комиссара, и она, нахмурив брови, сделала несколько шагов навстречу Мегрэ.

— Вы желаете говорить со мной? — спросила она, явно смущенная тем, что ее застали в обществе любовника.

— Да, мне хотелось бы уточнить кое-какие

детали, но, по-моему, гостиница место не совсем подходящее: тут такая тишина, слышно, как муха пролетит. Может быть, зайдем на несколько минут в кафе?

Сесиль взглянула на Мерсье, тот кивнул, и вскоре все трое уже сидели за столиком в пивной, где шла игра в бильярд.

— Для начала позвольте вам заметить, мадемуазель Сесиль, что вы поступили не очень-то красиво, скрыв от меня существование господина Мерсье.

— Мне казалось, он не имеет никакого отношения к этому делу, но я, конечно, должна была предвидеть, что Филипп вам о нем расскажет. Что он еще вам говорил обо мне?

— Да мало лестного, как вы сами, наверно, догадываетесь. По-моему, Филипп, что называется, безукоризненно светский человек, но ему палец в рот не клади. Гарсон! Кружку пива! Что вы будете пить, мадемуазель? Портвейн? Вы тоже, господин Мерсье? Два портвейна…

Удобно устроившись на обитой тиком банкетке, Мегрэ машинально следил за бильярдными шарами и с наслаждением, коротко затягиваясь, курил трубку. Казалось, ему был очень по вкусу этот усыпляющий, всепроникающий покой про-

винциальной жизни.

— Значит, это длится уже два года?

— Да, два года, как мы знакомы.

— А с каких пор у господина Мерсье вошло в привычку оставаться ночевать в доме старой дамы?

— Да больше года.

— И вам не приходило в голову пожениться?

— Старая дама, как вы ее называете, не допустила бы этого. Вернее, расценила бы как предательство по отношению к ней. Она очень дорожила моей привязанностью. Ведь из родных у нее никого не осталось, кроме племянника, которого она ненавидела, и на меня она смотрела почти как на свою собственность. Только ради нее я и решила скрывать наши с Жаком отношения, чтобы не причинять ей горе, не разочаровывать ее…

Сесиль отвечала на вопросы Мегрэ с полной готовностью, а ее друг время от времени хмурил брови, словно хотел предупредить ее, чтобы она была осторожнее.

— Теперь примемся за вас, господин Мерсье…

— Но я не понимаю, какое я имею отношение к…

— Отношение тут ни при чем. Просто вы долж-

ны мне помочь довести до конца расследование, на котором настаивала мадемуазель Сесиль, обратившись в полицию. Филипп Делижар считает, что дела ваши идут далеко не блестяще. Это правда?

— Я не совсем понимаю…

— Это правда?

— Отвечай, Жак!

— Да, правда. Мы с приятелем — он мой компаньон — купили три грузовика, чтобы вывозить рыбу из портовых городков Котантена… Плохо то, что грузовики не новые, а ремонт нам очень дорого обошелся…

— Когда это случилось?

— Что?

— Когда развалилось ваше дело?

— Грузовики простаивают уже три дня, потому что мы задолжали владельцу гаража…

— Так, благодарю вас. Мадемуазель, вы мне не напомните, в котором часу вы зашли на улицу Реколе?

— Позавчера? Около четырех… Правда, Жак?

— Позвольте, позвольте, значит, и вы были с нею?

— Да, я ее подвез… Я ждал на углу… Было, верно, самое начало пятого…

— Вы привезли ее на машине из Байё?

И Мегрэ бросил суровый взгляд на Сесиль: она ведь рассказывала, что добралась автобусом.

— Прекрасно! Теперь скажите мне, мадемуазель… Узнав из газет о смерти Жозефины Круазье, вы, наверно, попросили Мерсье отвезти вас в Кан… В котором часу вы снова появились на улице Реколе?

— Утром, примерно в половине десятого.

— Так, значит, после смерти старой дамы прошла уже целая ночь. Не могли бы вы точно описать мне все, что увидели?

— Что вы хотите узнать? Ну, сначала я увидела камердинера, потом каких-то людей в коридоре, потом Филиппа Делижара, который подошел ко мне и насмешливо сказал: «Я не сомневался, что вы сразу примчитесь». Потом я увидела тетю…

— Минутку! Как раз это меня и интересует в вашем рассказе. Вы увидели труп вашей тети. Где?

— В гробу.

— Значит, ее уже положили в гроб, но гроб еще не был закрыт?

— Нет. Его закрыли при мне немного позднее. Люди, которых я встретила в коридоре, оказываются, были служащими похоронного бюро.

— Так, значит, вы узнали вашу тетю? Вы в этом

абсолютно уверены?

— Конечно! А почему вы спрашиваете?

— Вас ничего не поразило в ее внешности?

— Да нет, я плакала… Я была очень взволнована… Мне хотелось побыть одной возле гроба хоть минутку, чтобы прийти в себя, но это было невозможно…

— Последний вопрос. В особняк я заходил с парадного хода, с улицы Реколе. Но там, вероятно, есть и другой выход?

— Да, с противоположной стороны дома есть небольшая дверца, которая выходит на улицу Эшоде. Это даже не улица, а проулочек, потому что там видны только одни садовые ограды.

— Если войти в эту дверь, можно ли попасть наверх так, чтобы не заметили ни кухарка, ни камердинер?

— Да! Надо только подняться по «лесенке», как мы ее называем. Она ведет на третий этаж.

— Сколько с меня, гарсон? Очень вам признателен, мадемуазель. И вам также, господин Мерсье.

Мегрэ заплатил по счету и поднялся. Он явно повеселел, хоть причины для такой веселости, казалось, не было. Через несколько минут Мегрэ с неизменной трубкой в зубах уже появился в

клубе, который посещал Филипп Делижар. Мегрэ провели в кабинет секретаря, которому он задал несколько вопросов. Со все возраставшим удовлетворением выслушивал он ответы и тщательно заносил их в свою записную книжку.

— Итак, вы утверждаете, что видели, как Филипп Делижар пришел сюда позавчера в четверть шестого… Я вас правильно понял, да? Три его партнера, с которыми он обычно садился за бридж ровно в пять, уже ждали его. Он занял место за столом… Но когда начали сдавать карты, его позвали к телефону… Из телефонной кабинки он вышел очень бледный и объявил, что дома несколько минут назад умерла его тетя… Больше вы ничего не хотите добавить? Благодарю вас… До свиданья…

И проходя через залы, где, утонув в глубоких креслах, дремали за развернутыми газетами печальные старички, Мегрэ пожал плечами.

Доктор Льевен, которого вызвали к Жозефине Круазье, когда с ней случился сердечный приступ, оказался совсем молодым человеком с огненно-рыжей шевелюрой. Мегрэ застал его в кабинете, где доктор, облаченный в белый халат, поджаривал на газовой плите котлету.

— Простите, доктор, я, кажется, помешал вам?

Видите ли, мне необходимо уточнить некоторые подробности, касающиеся смерти госпожи Круазье.

Льевену было около двадцати семи лет, в Кане он обосновался совсем недавно и, судя по обстановке, не мог похвалиться обширной клиентурой.

— Прежде всего мне хотелось бы выяснить, действительно ли с улицы Реколе до вас ближе, чем до других врачей?

— В общем, да… Правда, на улице Миним, кажется, практикует один мой коллега, но я с ним не знаком.

— Раньше вы бывали у Дележаров?

— Никогда! Вы, наверное, сразу, как вошли, поняли, что я врач начинающий и клиенты мои — люди далеко не богатые. Я очень удивился, когда меня вызвали в один из красивейших особняков города!

— В котором часу это было? Могли бы вы точно назвать время вызова?

— Да, могу сказать совершенно точно. Мне тут в часы приема помогает молоденькая сестра, она приходит каждый день после полудня, а уходит в пять. И вот она уже надела шляпку, и я как раз целовал ее, когда зазвонил телефон.

— Значит, было ровно пять часов. За сколько минут вы добрались до улицы Реколе?

— Да минут за семь, за восемь.

— Вас встретил камердинер и проводил на третий этаж?

— Нет! Не совсем так. Камердинер открыл мне дверь, но буквально в следующую секунду через перила лестницы перевесилась женщина и крикнула: «Скорее, доктор…» Это была госпожа Делижар. Она-то меня и проводила в комнату справа…

— Минутку! Вы говорите — в комнату справа? Значит, в комнату с бледно-голубыми обоями?

— Вы что-то путаете, комиссар. В комнате справа обои желтые…

— И мебель в стиле Людовика Четырнадцатого?

— Нет уж, позвольте! В этих вещах я разбираюсь неплохо и могу вас уверить, мебель там была в стиле Регентства…

К удивлению доктора, не понимавшего всей важности этого вопроса, Мегрэ подробно записал его слова в книжечку.

— Хорошо, допустим! Значит, в десять минут шестого или около того вы уже были наверху. Где лежала покойница?

— На кровати, конечно.

— Раздетая?

— Ну да! А как же иначе?

— Минутку! Итак, в десять минут шестого Жозефина Круазье была в постели. Что на ней было?

— Ночная рубашка и халат.

— В комнате валялась какая-нибудь одежда?

— Не думаю… Нет! Все было убрано…

— И там находилась одна только госпожа Делижар?

— Да… Она очень нервничала… Описала мне, как проходил приступ у ее тети… Я сразу понял, что смерть наступила почти мгновенно… Все-таки я осмотрел покойницу и убедился, что организм ее крайне изнурен… Наверно, у нее это был по меньшей мере десятый приступ…

— Вы могли бы приблизительно определить, в котором часу наступила смерть?

— Ну, это дело нетрудное… Может быть, я ошибусь на несколько минут, но, в общем, смерть наступила приблизительно в четверть пятого…

Тут доктор испуганно вздрогнул, так как Мегрэ подскочил и вцепился ему в плечо.

— Как? Что? В четверть пятого?

— Ну да! Ведь госпожа Делижар и не скрывала, что до меня пыталась вызвать двух других вра-

чей, значит, какое-то время уже прошло…

— Четверть пятого! — повторял Мегрэ, потирая лоб рукой. — Простите, доктор, я не хочу вас обидеть… Но вы ведь начали практиковать совсем недавно… Вы абсолютно уверены в том, что говорите? Подтвердили бы вы свои слова, если бы это решало судьбу человека?

— Я повторил бы то же самое…

— Хорошо!.. Я вам верю… Но все-таки должен вас предупредить, что эти показания вам наверняка придется повторить в суде, и тогда адвокаты сделают все возможное, чтобы опровергнуть ваше свидетельство…

— У них ничего не выйдет.

— Вы хотите еще что-нибудь добавить? Что произошло потом?

— Да ничего… Я составил акт о смерти… Госпожа Делижар захотела сразу расплатиться и дала мне двести франков…

— Это ваш обычный гонорар?

— Нет, она сама пожелала заплатить именно столько… Потом спустилась со мной до середины лестницы… а там уж камердинер проводил меня до двери…

— И больше вы никого не встретили!

— Нет, никого.

— Ничего не поделаешь! — пробурчал Мегрэ, позвонив у дверей маленького домика. В окне видна была собравшаяся за обеденным столом семья.

Мегрэ хотел задать несколько вопросов врачу мэрии. Врач, маленький полуглухой старичок, встретил Мегрэ с салфеткой в руках и, извинившись, провел его в свой кабинет. В кабинете сильно пахло супом из капусты, и слышно было, как рядом, в столовой, стучат ложки.

— Вы знали Делижаров до того, как вас вызвали официально засвидетельствовать смерть их родственницы?

— Я слышал, что есть такой Делижар у нас в городе… Он человек известный, не так ли? Но мы с ним не одного круга…

— Когда вас вызвали для освидетельствования?

— Из мэрии мне сообщили в половине седьмого. На улице Реколе я был около семи…

— Вы знали о госпоже Круазье?

— Нет. Мне пришлось подождать, пока камердинер предупредит господина Делижара, а тот уже сам поднялся со мной на третий этаж и провел меня в желтую комнату.

— Вы уверены, что в желтую?

— Абсолютно уверен. Это меня поразило, потому что дочь как раз хочет желтую комнату, а жена уверяет, что желтый цвет легкомысленный… Я установил, что госпожа Круазье умерла от сердечного приступа, и выполнил обычные формальности…

— Она была раздета?

— Да, она была в ночной рубашке.

— Вы не заметили в комнате никакого беспорядка?

— Нет, не заметил.

— Вы там никого не встретили?

— Никого… А что такое?

— И последний вопрос. Могли бы вы сказать, в какое время наступила смерть?

— О, над этим я даже не задумывался… Конечно, между четырьмя и пятью…

— Благодарю вас.

От запаха супа у Мегрэ разыгрался аппетит, и он отправился перекусить в ресторан, который славился нормандской рыбой соль[1] и рубцами, приготовленными по местному рецепту. Здесь, как и везде, где побывал сегодня Мегрэ, царила какая-то обветшалая парадность, нарочитая

[1] Примечания: 1

Европейская солея, или европейский морской язык — рыба из отряда камбалообразных. (*прим. верстальщика*).

суровость.

«А все-таки и в ваших краях встречаются изрядные скоты! — думал Мегрэ, с аппетитом поглощая обед. — Пожалуй, за всю практику мне не доводилось видеть ничего подобного».

В сущности такие дела он как раз и любил распутывать: внешне все как будто безупречно, люди степенны, не в меру благопристойны — словом, все признаки добродетели, доведенной до того крайнего предела, когда она становится тошнотворной.

А он, Мегрэ, должен соскоблить этот фасад, все разнюхать, докопаться до самых укромных уголков, чтобы за каменными стенами и лепными украшениями особняков, за темными одеждами и надменными, суровыми лицами обнаружить наконец двуногое животное, гнусное животное, которому нет прощения, потому что из-за денег, из-за корысти оно готово пойти на убийство!

Против своего обыкновения Мегрэ не торопился. Ему доставляло какое-то злорадное удовольствие работать медленно, он почти с наслаждением оттягивал развязку, точно играл в кошки-мышки с убийцей!

Прокурор повторял Мегрэ несколько раз:

— Делайте что полагается, но будьте осторож-

ны!.. Любой промах нам с вами дорого обойдется… Филипп Делижар — человек известный. Хоть он и в долгах, но у него большие связи… Что же касается этой девушки, Сесили, как вы ее называете, то, если вы ее затронете, левая пресса возьмет Сесиль под защиту и изобразит ее жертвой капитала… Одним словом, комиссар, благоразумие!

«Ладно, ладно, дорогуша, — весьма непочтительно пробормотал себе под нос Мегрэ. — Только мы их все равно поймаем…»

Рубцы были на славу, не отказался Мегрэ и от хозяйского кальвадоса[2], так что из-за стола он поднялся в состоянии полного блаженства.

«Ничего, сейчас мы все приведем в порядок, — решил он про себя. — Для начала не мешает побеседовать с этим камердинером…»

Он отправился на улицу Реколе и позвонил у дверей особняка. Когда камердинер хотел проводить Мегрэ в прихожую, тот его удержал.

— Нет, нет, старина, я как раз с вами собираюсь поговорить. Вы ведь знаете, кто я? Что вы делали, когда я позвонил?

— Пили кофе на кухне…

— Прекрасно! Вот я к вам и присоединюсь.

---

[2] Примечания: 2

Яблочный или грушевый бренди, получаемый путём перегонки сидра. Крепость — около 40 % об. (*прим. верстальщика*).

Мегрэ напрашивался, навязывался на приглашение.

Камердинер не посмел возразить и объявил кухарке и шоферу Арсену:

— Это комиссар, он просит… чашечку кофе.

Арсен был в серой, элегантной форменной куртке, которую он расстегнул, чтоб чувствовать себя свободнее; кухарка оказалась толстой, краснощекой женщиной, она порядком растерялась, когда Мегрэ вторгся в ее владения.

— Прошу вас, дети мои, не обращайте на меня внимания! Я мог бы вызвать вас в полицию, да решил не беспокоить по таким пустякам. Что вы, Арсен, оставайтесь как есть!.. Кстати, почему это вы позавчера взяли выходной? Разве это ваш день?

— Да не совсем так… Утром мне хозяин сказал, чтобы я взял себе выходной, а то на следующей неделе он меня не отпустит, потому что мы поедем на юг… Ну, а я этим воспользовался и побывал у сестры в Гавре, она там замужем за булочником.

— Значит, господин Филипп сам водил машину?

— Да… Я думал, ему машина не понадобится, а потом заметил, что он все-таки ездил куда-то…

— Как вы это заметили?

— Да внутри остались грязные следы.

— Но дождя не было, значит, он ездил за город?

— Знаете, здесь у нас не поймешь, когда ты в городе, а когда за городом… Мощеные улицы кончаются через каких-нибудь две-три сотни метров…

Ответы камердинера, которого звали Виктором, отличались математической точностью, и Мегрэ не удивился, узнав, что Виктор — отставной артиллерийский унтер-офицер.

— В какой комнате вы находились во второй половине дня?

— В буфетной, рядом с вестибюлем. Позавчера я чистил там столовое серебро…

— Не могли бы вы сказать, в котором часу ушла госпожа Круазье?

— Она вышла из дому, как обычно, без нескольких минут четыре. Ровно в четыре ей надо было на прием к зубному врачу, это в двух шагах отсюда.

— Она выглядела здоровой?

— Как всегда! Она хорошо сохранилась, была такая веселая и совсем не гордая; бывало, проходит мимо — обязательно заговорит с тобой.

— Она вам не сказала ничего необычного?

— Нет! Только бросила мимоходом: «Я скоро вернусь, Виктор…»

— К зубному врачу она ходила пешком?

— Госпожа Круазье не любила ездить в машине. Даже в Байё она возвращалась поездом.

— Можете вы сказать, где тогда находилась машина?

— Не знаю, господин комиссар.

— Разве она не стояла в гараже?

— Нет… Хозяева уехали сразу же после завтрака… Вернулись они, наверно, так через час, а машину, должно быть, оставили на улице… Не на нашей, наша, видите ли, для этого слишком узкая, а, как всегда, на соседней. Поэтому, когда я открываю дверь, мне машина не видна.

— Значит, хозяева, вы говорите, вернулись к трем часам. А через час, около четырех, госпожа Круазье вышла из дому… Что было потом?

— Потом пришла мадемуазель Сесиль…

— В котором часу?

— В десять минут пятого… Я ей сказал, что госпожи Круазье нет дома, и она ушла…

— Кроме вас, она никого не видела?

— Никого.

— А потом?..

— Потом ушел хозяин… В двадцать пять минут

пятого… Я посмотрел на часы, потому что обычно он уходит в клуб позднее…

— Он не нес никакого свертка?

— Нет, что вы!

— И выглядел, как обычно?

— По-моему, да…

— Продолжайте…

— Я начал чистить ножи… Да, больше ничего такого не было… А потом, часам к пяти, вернулась госпожа Круазье…

— И чувствовала она себя по-прежнему хорошо?

— Хорошо. И даже была в прекрасном настроении. Проходит мимо меня и говорит: напрасно про зубных врачей думают, будто они причиняют боль… А я ей тогда еще ответил, что мне-то врач выдернул здоровый зуб вместо больного…

— Она поднялась к себе в комнату?

— Да, поднялась к себе.

— Ведь в ее комнате мебель в стиле Людовика Четырнадцатого?

— Да, конечно.

— Комната справа, оклеена желтыми обоями?

— Нет! Нет! Это совсем другая комната, там мебель в стиле Регентства. Ею никогда и не пользуются.

— Что было потом?

— Сейчас соображу… Прошло какое-то время… Хозяйка спустилась вниз очень взволнованная…

— Простите, сколько минут прошло?

— Минут двадцать… Во всяком случае, было начало шестого, когда хозяйка велела мне позвонить хозяину в клуб, сказать, что у его тети сердечный приступ…

— И вы позвонили в клуб и сказали, что у тети приступ?

— Да…

— А вы не сказали, что она умерла?

— Нет… Я еще не знал, что она умерла…

— Вы поднимались наверх?

— Нет… Никто из слуг там не был… Пришел какой-то молодой доктор, и хозяйка сама его встретила… Нам только в семь часов объявили о смерти госпожи Круазье, а в восемь мы все туда поднялись…

— В желтую комнату?

— Нет! В голубую…

Задребезжал звонок.

— Это хозяин, питье ему надо нести, — проворчал Виктор.

Мегрэ неторопливо направился к выходу.

III

— Господин прокурор просит вас подождать…

Мегрэ сидел на кончике жесткой скамьи в пыльном коридоре канского суда. Время от времени мимо него проходили адвокаты в мантиях, рукава их вздрагивали, как крылья у утят.

Было десять часов утра. Мегрэ, жена которого оставалась в Париже, снимал здесь комнату с пансионом у одних славных людей. Он получил через полицейского записку прокурора, где тот довольно сухо предлагал комиссару явиться к нему в кабинет ровно в десять часов.

В десять минут одиннадцатого Мегрэ встал со скамьи и подошел к служителю.

— У прокурора есть кто-нибудь?

— Да.

— А вы не знаете, надолго это?

— Надо думать! Он там уже с половины десятого. Это господин Делижар…

Насмешливая улыбка тронула губы Мегрэ, он решительно раскурил свою трубку. Каждый раз, проходя мимо обитой войлоком двери, он различал приглушенные голоса. И каждый раз все та

же улыбка кривила уголки его губ.

Наконец, когда пробило половину одиннадцатого, зазвонил звонок, вызывая служителя. Вернувшись, он объявил:

— Господин прокурор ждет вас!

Значит, Филипп Делижар не собирался уходить. Мегрэ сунул в карман горячую трубку и, ступая подчеркнуто неуклюже, вошел в кабинет. В некоторых случаях, особенно когда он бывал в хорошем настроении, Мегрэ вообще любил напускать на себя преувеличенно глупый вид, и тогда он казался еще толще, еще неповоротливей — точный портрет полицейского, как их рисуют на карикатурах. Не хватало только пышных усов.

— Мое почтение, господин прокурор. С добрым утром, господин Делижар…

— Закройте дверь, комиссар… Идите сюда… Вы меня поставили в чрезвычайно неудобное и затруднительное положение… О чем я вам вчера говорил?

— О благоразумии, господин прокурор…

— А разве я вам также не сказал, что ни на секунду не поверил россказням этой девицы Сесили, она типичная интриганка — теперь я нисколько не сомневаюсь.

— Во всяком случае, вы мне сказали, что гос-

подин Делижар пользуется в городе большим влиянием, и поэтому надо подходить к нему деликатно…

И Мегрэ, любезно улыбнувшись, искоса взглянул на Филиппа Делижара, который в своем трауре выглядел еще более представительным, чем прокурор. Он старался держаться как можно непринужденнее и избегал смотреть в сторону комиссара. Всем своим видом он словно говорил: «Погодите, то ли еще будет!»

А прокурор бросал на Мегрэ свирепые взгляды, он уловил иронию в словах комиссара и явно искал предлога, чтобы дать выход своему гневу.

— Садитесь, хватит вам расхаживать! Не выношу людей, которые ходят, когда с ними разговариваешь…

— С удовольствием, господин прокурор.

— Где вы были вчера около девяти часов вечера?

— Около девяти? Сейчас подумаю… Наверно, я был у господина Делижара…

— А что вы подразумеваете под выражением «быть у кого-либо»?

— Был у него в доме, конечно!

— Хорошо, допустим! Но вы там были без ведома господина Делижара! Вы проникли туда

обманным путем, так как никакого разрешения на розыск не имели!

— Я просто хотел порасспросить кое о чем слуг.

— Именно в этом я вас и обвиняю, и именно поэтому подал на вас жалобу господин Делижар, здесь присутствующий. Я обязан официально зарегистрировать эту жалобу, поскольку вы превысили свои полномочия. Положим, вы могли допросить слуг, но в таком случае вам необходимо было поставить в известность хозяина. Надеюсь, комиссар, вы меня понимаете?

— Вполне, господин прокурор.

И Мегрэ со злорадным удовольствием смиренно потупил взор, точно уличенный в погрешности мелкий чиновник.

— Но это не все. То, что за этим последовало, еще серьезнее, настолько серьезнее, что я даже не знаю, как на ваши действия прореагируют там, в высших сферах! Сначала вы сочувственно выслушиваете болтовню прислуги, которую сами, можно сказать, спровоцировали на эти разговоры, а потом, выйдя из дома, снова туда пробираетесь, но уже с черного хода. Полагаю, вы не собираетесь это отрицать?

— Увы, господин прокурор!

— Каким ключом вы открыли садовую калитку?

Может быть, вам его передала Сесиль Ледрю? Хорошенько взвесьте последствия своего ответа…

— У меня не было ключа от калитки. По правде говоря, я не собирался заходить в сад. Мне только хотелось понять, как они внесли труп.

— Что вы сказали?

Прокурор вскочил, Филипп тоже, и оба побледнели, хотя, конечно, по разным причинам.

— Если угодно, я сейчас все вам объясню. Что же касается садовой калитки, то замок на ней оказался совсем детский, его без труда можно открыть самой простой отмычкой. Мне вздумалось это проверить, и я попробовал. Была уже ночь. В саду ни души. Я сообразил, что гараж тут рядом, но господина Делижара мне беспокоить не хотелось из-за подобной ерунды, да еще в столь горестный момент, вот я и решил сам сходить посмотреть на следы грязи, о которых мне говорил Арсен.

Прокурор нахмурил брови — им овладела тревога. Филипп, сжимая в руках перчатки, собирался что-то сказать, но Мегрэ даже не дал ему открыть рот.

— Вот и все!.. Я прекрасно понимаю, что совершил промах… Я прошу у вас прощения и постараюсь, как смогу, оправдаться…

— Короче говоря, дело идет о взломе! И вы,

комиссар полиции, позволяете себе…

— Я безмерно огорчен, господин прокурор… Повторяю, если бы я не побоялся обеспокоить господина Делижара — а ему как раз тогда понесли настойку, — я, конечно, попросил бы доложить о себе и задал бы ему кое-какие вопросы.

— Довольно! Хочу еще добавить: мне совершенно не нравится ваш иронический тон, хоть вы и считаете для себя возможным прибегать к нему. Я сегодня же переправлю в министерство жалобу господина Делижара и, само собой разумеется, решительно запрещаю вам вести это дело: вы явно переусердствовали. Господин Делижар, я полагаю, вы вполне удовлетворены, и, в ожидании дальнейших распоряжений, мы можем считать этот инцидент исчерпанным…

— Благодарю вас, господин прокурор. Этот человек так нагло вел себя, что при всем моем уважении к полиции я положительно не мог…

И Делижар направился к прокурору, чтобы пожать ему руку, а тот в свою очередь встал, чтобы проводить Делижара до двери.

— Еще раз благодарю. До скорой встречи…

— Да, ведь я завтра буду на похоронах и…

— Господин прокурор, — внезапно прозвучал спокойный голос Мегрэ, — позвольте мне задать

этому человеку один, всего только один вопрос.

Прокурор нахмурил брови. Делижар, уже стоя в дверях, машинально задержался, и Мегрэ тихо проговорил:

— Я хотел бы узнать, господин Делижар, собираетесь ли вы на похороны Каролины?

Прокурор был поражен впечатлением, которое произвели эти слова. Лицо Филиппа мгновенно исказилось. Не совладав с собой, он выронил перчатки и в бешенстве готов был броситься на комиссара.

Мегрэ, по-прежнему спокойный, поразительно спокойный, прикрыл дверь.

— Как видите, дело далеко не закончено! — сказал он. — Весьма сожалею, но мне придется задержать вас и, боюсь, надолго…

— Послушайте, комиссар… — начал прокурор.

— О, не беспокойтесь и не думайте, что я хочу, как выражаются наши газеты, «приподнять завесу над личной жизнью». Каролина вовсе не дама полусвета и не работница, соблазненная господином Делижаром, а просто его старая кормилица…

— Объяснитесь, пожалуйста, яснее…

— Так ясно, как только смогу, не злоупотребляя вашим временем и не отвозя вас на место проис-

шествия. Итак, с вашего разрешения, я начну с тайны желтого и голубого, с тайны, которая легла в основу моих открытий или, вернее, подтвердила мои догадки… Не смотрите на дверь, господин Делижар… Вы же понимаете — это бесполезно…

— Я жду, — вздохнул прокурор, нервно теребя разрезальный нож.

— Да будет вам известно, что в особняке на улице Реколе госпожа Круазье занимала на третьем этаже слева комнату с мебелью в стиле Людовика Четырнадцатого, где обои бледно-голубого цвета. Около пяти часов Жозефина Круазье живая и здоровая вернулась домой, пошутила с камердинером и поднялась к себе. Следовательно, она прошла в отведенную ей голубую комнату. Когда же в десять минут шестого явился вызванный по телефону доктор Льевен, его провели в комнату справа, в стиле Регентства, в комнату ярко-желтого цвета. И в этой комнате он увидел несчастную старую даму, мертвую и даже раздетую, в ночной рубашке и халате, хотя вокруг не было ни малейших следов беспорядка, вызванного поспешным переодеванием. Как вы разгадаете такую загадку, господин прокурор?

— Продолжайте! — сухо ответил прокурор.

— Но эта загадка не единственная, вот вам

и другая: молодого доктора Льевена, который только что поселился в городе и берет со своих неимущих пациентов по десять франков за визит, именно доктора Льевена, а не другого врача, вызывают в роскошный особняк Делижаров. Но он утверждает, что смерть наступила приблизительно в двадцать минут пятого. Кто же лжет? Доктор или камердинер, который видел, как госпожа Круазье вернулась домой около пяти? Если лжет камердинер, то, значит, лжет и зубной врач: ведь он уверяет, что в двадцать минут пятого старая, дама из Байё находилась у него в кабинете…

— Я не понимаю…

— Минутку терпения! И я не сразу понял… так же как не понял, почему господин Делижар в этот день вышел из дому раньше обычного, а в клубе появился только в четверть шестого, когда его всегдашние партнеры по бриджу уже теряли терпение и собирались искать ему замену…

— Можно идти быстрее или медленнее… — ответил прокурор за Филиппа, а тот, белый как полотно, словно окаменел.

— Тогда ответьте на такой вопрос, господин прокурор. Едва господин Делижар пришел в клуб, как туда звонит его камердинер и сообщает, что у тети господина Делижара сердечный приступ.

Слуга говорит только о приступе, так как больше ничего не знает. Тем не менее господин Делижар возвращается к своим партнерам страшно взволнованный и объявляет, что его тетя только что скончалась…

Прокурор не слишком доброжелательно покосился на Филиппа, сидевшего все так же неподвижно. Тот, не выдержав, опустил глаза.

— Теперь несколько менее важных вопросов. Почему господин Делижар именно в этот день отпускает шофера под тем предлогом, что на следующей неделе не сможет дать ему выходной? Случайно? Допустим! Но почему же тогда в два часа дня он выводит машину из гаража, а вернувшись через час, оставляет ее на соседней улице? Куда он за это время успел съездить со своей женой?

— К изголовью больной женщины! — неожиданно выпалил Филипп.

— Совершенно верно, к изголовью Каролины. Она живет в предместье, поэтому на машине остались следы грязи. Я могу доказать, что следы эти появились оттого, что напротив дома Каролины находится печь для обжига извести.

Мегрэ словно машинально, но, верно, не без тайного умысла, принялся набивать свою трубку,

расхаживая по кабинету.

— Перед нами, господин прокурор, одно из самых гнусных преступлений, какие я только знаю, но выполнено оно, можно сказать, безупречно… Чтобы вам стало до конца все ясно, мы с вами быстро проделаем путь, которым шел я… Господин Филипп Делижар за всю свою жизнь только и сделал, что взял жену с большим приданым, жил на широкую ногу и настолько бездарно занимался денежными спекуляциями, что потерял все свое состояние. Он уже три года находится в отчаянном положении, и все его надежды были лишь на тетку, а та упорно отказывалась ему помочь. Все ясно! Все понятно! Господин Делижар вряд ли станет со мной спорить, если я скажу, что хоть и живет он по-прежнему на широкую ногу, но бывают дни, когда в доме не наскрести и ста франков наличными. Несколько раз у него даже собирались выключить газ и электричество… А ведь в его годы поздно приобретать какую-нибудь профессию… Да и образ жизни трудно менять. Тетушка стара и, несмотря на опасную девицу Сесиль Ледрю, конечно, не лишит племянника наследства, тем более что наша Сесиль сама этому противится… И все-таки Филипп принимает меры предосторожности и открывает госпоже

Круазье, что молодая девушка не так уж наивна и каждую ночь встречается с любовником в доме своей покровительницы… Вы следите за ходом моих мыслей, господин прокурор?.. Преступление, можно сказать, дело решенное, оно признано необходимым… Жозефина Круазье должна умереть, чтобы Делижары по-прежнему могли жить в свое удовольствие… Но если спровадить человека на тот свет довольно легко, то гораздо труднее скрыть от врачей причину смерти… Яд в провинции применять опасно, да еще когда это связано с наследством: злые языки первым делом заподозрят отравление. Ведь всем известно, что Делижары в отчаянном положении… Застрелить ее из револьвера и думать нечего… Нож оставляет следы… Столкнуть госпожу Круазье с лестницы тоже нелегко — она женщина довольно крепкая… Я еще раз повторяю, что преступление в принципе дело решенное. Нужен удобный случай, случай, который позволил бы устранить Жозефину Круазье без всякого риска… И вот совершенно неожиданно представляется такой случай. Старая кормилица Филиппа приблизительно того же возраста, что и госпожа Круазье, семьи у нее нет, и живет она одна в маленьком домике на окраине города. У

кормилицы, которая перенесла уже несколько сердечных приступов, начинается новый приступ, и Делижары, узнав об этом, отправляются навестить ее в два часа, а через час приезжают обратно, зная, что Каролине, так зовут кормилицу, жить осталось не больше двух часов. Особняк расположен очень удобно, но все-таки необходимо предусмотреть каждую мелочь. Госпожа Делижар сразу же выходит через черный ход, возвращается к кормилице и около двадцати минут пятого принимает ее последний вздох. Филипп уходит из дому почти в обычное свое время, всего на несколько минут раньше — у него не хватает терпения ждать. Он садится в свою машину, которая стоит на углу, едет к Каролине, переносит в машину ее труп, и, захватив жену, возвращается обратно. Потом Делижары, опять-таки через черный ход, вносят в дом труп Каролины и помещают его в желтой комнате на третьем этаже. Слуги уверены, что госпожа Делижар никуда не выходила и что Филипп отправился в свой клуб… Но Делижары дома… Они ждут возвращения Жозефины Круазье, она должна быть с минуты на минуту… Вот она приходит, поднимается в свою комнату, комнату с голубыми обоями, и тут они ее убивают… После этого Филиппу остается

только выйти через черный ход и на машине поехать в клуб, чтобы обеспечить себе алиби. Врача специально вызывают такого, который не знает ни их дома, ни госпожи Круазье, и показывают ему труп Каролины, умершей своей смертью. И врач, естественно, выдает соответствующее свидетельство. То же повторяется немного позже с врачом из мэрии. Теперь надо только перевезти тело кормилицы обратно в ее дом…

— А как вы догадались о Каролине? — спросил после небольшой паузы прокурор.

— Тут простая логика! Не могли врачи осматривать труп Жозефины Круазье. Поэтому я купил газету, которая вышла на следующий день после ее смерти, и просмотрел список умерших. Там я нашел, как и ожидал, фамилию одной старой женщины. Я навел о ней справки. Соседи видели, как к ее дому несколько раз подъезжала машина, но не удивились: они привыкли, что ее часто навещают ее бывшие хозяева… Впрочем, это единственное доброе дело на счету у Филиппа Дележара.

Наступило тягостное молчание. Внезапно раздался стук разрезального ножа о стол, и прокурор неуверенно спросил:

— Вы признаете это, Филипп Дележар?

— Я буду отвечать только в присутствии своего адвоката.

Традиционная формула! В лице Филиппа не было ни кровинки. Он поднялся, но едва устоял на ногах, так что пришлось дать ему воды.

При вскрытии трупа несчастной Жозефины Круазье выяснилось прежде всего, что сердце у нее было совершенно здоровое и что погибла она от руки неумелых убийц: сначала ее пытались задушить шнурком, а потом, наверное, полуживую, прикончили двумя ударами ножа в грудь.

— Могу только поздравить вас, — сказал прокурор комиссару, сопровождая свои слова ледяной улыбкой. — Вы действительно мастер своего дела, как нам и говорили. Однако я должен вам признаться, что здесь, в маленьком городке, применять ваши методы по меньшей мере опасно…

— Другими словами, в Кане я задержусь не надолго.

— Но, конечно…

— Благодарю вас, господин прокурор.

— Но…

— Мне и самому здесь не очень-то нравится. Да и жена ждет меня в Париже. Единственное, чего я хочу, это чтобы местные судьи, не посмотрев на шикарный особняк этого законченного мерзавца

Филиппа, приговорили его к смертной казни…

И Мегрэ с мрачной иронией процедил сквозь зубы:

— Вот уж тогда пусть себе играет в бридж со смертью…

1938 г.